

**ГАЛИНА
ЩЕРБАКОВА**

АЛЛОЧКА И
ПЛОТИНА

Галина Николаевна Щербакова
Аллочка и плотина

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184154
Трое в доме, не считая собаки: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35734-5

Галина Щербакова

Аллочка и плотина

Какие голодные мы были в первые послевоенные годы. Как вкусно нам было все: терпкие вишневые листья и червивая падалица, белые неоткусываемые корни неизвестно чего и одутловатые, пустые изнутри грибы. Деликатесом был ощерившийся подсолнечной шелухой жмых... в просторечии макуха. Но самое-самое... Самое-самое! Была цветущая акация... Боже, сколько было съедено, нежной, махровой, пахнущей... Белой акации гроздь душистые перемалывались нашими детскими зубами так быстро, что приходилось командировать кого-то на верх дерева, чтоб наклонять еще не оборванные ветки к нашим жадно жующим ртам. Как правило, карабкался Геня. Он был среди нас самый гибкий и ловкий. Только он мог забраться почти на самую макушку и, распластавшись на ветке, пригнуть ее низко-низко, так, что нам оставалось только чуть подпрыгнуть и ухватиться рукой.

До сих пор в ногах, в мускулах память об ожидании, напряжении прыжка вверх, чтобы сорвать пышную, примеченную заранее гроздь и успеть сделать это раньше другого, а потом победно закричать забитым добычей ртом... О, сладость, сладость, сладость заглушаемого голода...

– Вы же едите прямо с червяками! – однажды услышали мы. – Так же можно и умереть.

На нас смотрели огромные синие потрясенные глаза. Продолжая автоматически жевать, мы оторопело разглядывали осуждающее нас существо.

Маленькие, в белых чулках ноги были обуты в лакированные туфельки с ремешками крест-накрест. Синяя матроска с отутюженными складками на юбке сверкала белоснежным кантом, красными якорями и так аккуратно застегнутыми пуговичками, что сам собой напрашивался вывод: возникшая перед нами девочка не вертится, не дрыгает руками и ногами, она существует в одной-единственной торжественно-доказательно-прекрасной позе. Осознав это, мы нервно засучили своими грязными, с цыпками ногами, завертели невымытыми шеями, быстро сглатывая непережеванную акацию. А девочка продолжала потрясать нас коротенькими, наполовину заплетенными косичками из вьющихся волос, и синим беретиком, чуть сдвинутым на ухо, и отмытыми до блеска ушами, и огромными синими глазами, которые случались на картинках довоенных сказок. Распластавшись на ветке, мертво замер Геня. Ветка перестала качаться под ним, пригнутая, замечательная ветка с роскошными гроздьями.

Так появилась на нашей улице Аллочка, появилась как знак другой, недоступной нам, прекрасной жизни, о существовании которой никто еще не подозревал. На нашей улице и в нашей жизни еще всюду пахло пожаром сожженных домов, еще глыбились руины взорванного Дворца культуры, еще не все отцы вернулись домой. В нас во всех продолжа-

ла жить война. Рожденные до нее, мы мало что помнили о мирной жизни, война же вошла в нас плотно, заполнив душу по самую кромку, а хорошего было слишком мало, чтобы начать вытеснять ее потихоньку.

То восхищение Аллочкой, которое сразило нас всех, было сигналом... перехода, что ли? – в будущее, где уже не будет смерти и горя, где будет красиво, чисто, сытно и радостно.

Наверное, в тот момент, когда Аллочка потрясенно смотрела на нас, а мы на нее, в сердце Гени и лопнула какая-то почка, и выпросталось то, о чем я хочу рассказать. Только он тогда как-то отчаянно ухнул и оказался рядом с нами на земле, и стал одергивать штаны и заправлять в них майку, и смотрел, смотрел на Аллочку, теряя свое привычное веснушчатое скуластое лицо и обретая какое-то новое, ласковое, нежное и преданное.

Мы стали ходить за ней стайкой, не в силах ее покинуть. Мы стали чище умываться, и некоторые обрезали ногти.

Она привела нас в свой дом, трехкомнатный дом, где поскрипывал майорскими ремнями белозубый папа, не то шелестела, не то шуршала шелковым капотом кудрявая мама, а на маленьком костерке возле крыльца смолила курицу горбатенькая домработница Глаша. Это была первая семья, над которой не висело клеймо «бывшие в оккупации». Поэтому и курица, и хлеб с маслом изначально считались справедливой для них едой, ибо мы – бывшие в оккупации – все-таки были виноваты. Во всяком случае, так нам объяснили.

Аллочка все имела по праву, мы же по праву все не имели. Это не оспаривалось, не ставилось под сомнение – ни боже мой! – не критиковалось. Мы искренне любили добрую веселую Аллочку, мы ждали ее, сидя на земле под ее забором, пока она ходила обедать «первое, второе и третье». И случалось, что кудрявая мама в капоте выносила нам в большой глубокой миске какие-нибудь пирожки или оладьи, и мы расхватывали их в одну секунду, и только Геня, единственный из нас, руки в этой сказочной еде не марал. Он смотрел на нас не то что с осуждением, смотрел с жалостью. Дело в том, что с ним случилось невероятное – он перестал есть. Генина мама говорила моей маме, когда они набирали воду из колонки, что Генька, паразит такой, не жрет кукурузную кашу, а Генина мама расстаралась и достала полпуда кукурузной крупы исключительно для питания детей, надо же паразитов поддержать, белки у них совсем синие и десны бледные, явное малокровие. А от малокровия до туберкулеза рукой подать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.